

— Ну, теперь ты знаешь, — с улыбкой ответил Ци Цзюньму. — Я думаю, что это была твоя идея.

Шэнь Нянь был в шоке. Он никогда не говорил такого, а теперь ему навесили эту ярлык? Император просто перешагнул через него и присвоил ему репутацию, о которой он даже не знал.

— Ваше Величество правы, раз Вы сказали, значит, это моя идея, — с усталостью произнёс Шэнь Нянь. Разве он мог сказать всему миру, что не знал об этом, и что император лжёт?

Кто бы поверил?

— Оставим это в стороне. Командующий левым крылом императорской гвардии Ян Цзинлэй отправился с князем Пинем в Цинчжоу. Он отвечает за охрану дворца и каждые полмесяца инспектирует гору Бэйшань. Теперь ты временно возьмёшь на себя его обязанности и будешь отвечать за безопасность дворца. Через несколько дней лично отправляйся на гору Бэйшань и проверь ситуацию там, а также вызови командующего правым крылом Ван И для доклада.

Шэнь Нянь, услышав это, был настолько ошеломлён, что не мог говорить.

Гвардия Северной горы насчитывала 50 000 солдат и была личной армией императора, напрямую подчинявшейся ему, защищавшей столицу. Поэтому в гвардии не должно было быть никаких ошибок, и только самые доверенные люди императора могли вмешиваться в её дела.

Что император задумал? Ударить его, а затем дать утешительный подарок? Но этот подарок был слишком большим, и Шэнь Нянь боялся, что подавится им.

Видя, что Шэнь Нянь молчит, Ци Цзюньму, который в будущем будет нуждаться в его помощи, сказал:

— Если есть что сказать, говори. Какая польза от молчания?

Шэнь Нянь хотел задать множество вопросов, но, увидев выражение лица императора, вдруг передумал.

Он прекрасно понимал, что император хотел сделать его объектом всеобщей ненависти, а сам остаться в стороне. В итоге император оставался чистым, а он становился тем, кого все ненавидят.

В такой ситуации он мог полагаться только на императора и быть верным только ему. Император поступал так, будучи уверенным, что Шэнь Нянь с радостью позволит себя использовать.

Шэнь Нянь просто не понимал, откуда у императора такая уверенность, что он пойдёт на это? Разве император не боялся, что всё может пойти не так, и он, Шэнь Нянь, изменит свои намерения и начнёт искать союзников?

Если бы он решил объединиться с другими, многие, несмотря на ненависть, были бы готовы сотрудничать.

Разве император совсем не боялся этого?

Думая об этом, Шэнь Нянь впервые почувствовал растерянность. Он не знал, было ли это использование основано на абсолютном доверии, или же император был уверен, что он не

сможет вырваться из его рук.

Если это было первое, то после использования император мог бы оставить его в живых. Если второе, то всё становилось сложнее: император явно хотел его смерти.

С древних времён мысли императоров были непредсказуемы, и это действительно так. Видя, как молодой император обладает такой хитростью, Шэнь Нянь понимал, что быть членом императорской семьи — это страшно.

— О чём думаешь, Шэнь Цин? — с терпением и искренностью спросил Ци Цзюньму, заметив, что Шэнь Нянь долго молчал, а его глаза выражали странные эмоции, словно он столкнулся с неразрешимой загадкой.

Шэнь Нянь вздрогнул от вопроса и опустил глаза:

— Ваше Величество, я думал о цензоре Гуане.

— Что? — это был ответ, которого Ци Цзюньму никак не ожидал. На его лице появилось недоумение. Он думал, что Шэнь Нянь спросит, почему он так поступил, но этот человек совсем не следовал ожиданиям, и его слова не имели никакого отношения к текущей ситуации.

Ци Цзюньму, будучи императором, быстро скрыл своё недоумение и спросил:

— Как продвигается расследование дела цензора Гуаня?

Шэнь Нянь заметил мгновенное замешательство императора. Видя, как он снова надевает маску отстранённости, он подумал, что быть императором тоже печально, ведь так жить довольно утомительно.

Но скоро он понял, что это глупость. Его жизнь находилась в руках этого «печального» императора, который мог раздавить его в любой момент. Вместо того чтобы думать о своей шкуре, он размышлял о чём-то совершенно бесполезном.

Поэтому Шэнь Нянь ответил:

— Цензор Гуань умер слишком давно, место происшествия чистое, и я не нашёл ничего подозрительного.

— Если ничего подозрительного нет, то зачем ты об этом говоришь? — спокойно спросил Ци Цзюньму.

Шэнь Нянь улыбнулся, его глаза загорелись:

— Именно потому, что всё слишком чисто, это и подозрительно. — Когда он искренне улыбался, его глаза словно наполнялись страстью, искренней и горячей.

Ци Цзюньму смотрел на него, сохраняя нейтральное выражение, но в душе думал: «Жаль, что с такими глазами, привлекающими внимание, он никого не привлёк в прошлой жизни».

Эта мысль мелькнула в его голове, и он с лёгкой досадой подумал, что сам он был не лучше. В прошлой жизни он успел сорвать цветок, но не заметил, как тот позеленел.

На мгновение Ци Цзюньму не мог понять, кто из них был более несчастен: он или Шэнь Нянь.

Шэнь Нянь чувствовал, что мысли императора трудно понять. Он не мог понять, что вызвало у него такие эмоции: злорадство, сожаление и сочувствие.

Он так и не понял, что в нём и императоре было достойно жалости.

К счастью, император быстро скрыл эти эмоции и вернулся к делу Гуань Ханя.

Шэнь Нянь сосредоточился на главном:

— Гуань Хань был из бедной семьи, не имел жены и детей, его родители не жили в столице. Однако он был амбициозен и стремился к уважению. Я изучил его биографию и читал его стихи. Он не был тем, кто готов покончить с собой из-за пустяков.

Ци Цзюньму кивнул. Гуань Хань умел приспособливаться и вряд ли хотел умирать, поэтому он спросил:

— Что-то ещё?

Шэнь Нянь, видя, что император согласен с ним, продолжил:

— Когда цензор Гуань умер, не было следов борьбы. Это меня озадачило. Даже если человек добровольно повесился, перед смертью он инстинктивно будет сопротивляться. Его руки естественно свисали, что говорит о том, что он был спокоен.

Ци Цзюньму кивнул:

— Кто-то хочет использовать Гуань Ханя, чтобы обвинить меня в жестокости и беззаконии. Тех, кто может извлечь из этого выгоду, в столице не так много.

— Я думаю, что их больше, чем несколько, — осторожно сказал Шэнь Нянь, глядя на императора. — Ваше Величество, позвольте мне сказать кое-что дерзкое. В прошлом, когда братья покойного императора умирали или бежали, рядом с ними всегда были преданные люди, защищавшие своих господ. Разве Ваше Величество не сталкивались с этим?

Братья Императора Цзина были убиты, но у них остались потомки, изгнанные в разные земли.

У этих людей в столице были свои связи, а во дворце — свои старые знакомые. Некоторые считали, что трон Императора Цзина был незаконным, что его жестокость делала его недостойным, и что только те, кто погиб, заслуживали трона.

Ци Цзюньму поднял глаза и посмотрел на Шэнь Няня, его холодные глаза внезапно стали острыми:

— Что ты имеешь в виду? Неужели ты сомневаешься в моём отце?

— Я не осмеливаюсь, — спокойно ответил Шэнь Нянь. — В те времена я был ещё ребёнком и не знаю всех деталей. Я не историк и не могу судить.

Ци Цзюньму не стал наказывать его за это. То, что сделал Император Цзин, каждый оценивал по-своему, но мало кто осмеливался говорить об этом в присутствии императора.

Даже Линь Сяо не говорил об Императоре Цзине.

Ци Цзюньму задумался и сказал:

— Если у тебя есть такие подозрения, то расследуй это медленно. Однако смерть Гуань Ханя должна быть объяснена. Я не могу вечно носить на себе это обвинение.

Хотя Шэнь Нянь тогда взял вину на себя, пока смерть Гуань Ханя не будет раскрыта, часть людей будет считать, что он умер из-за императора, часть — что он был лишь болтуном, стремящимся к славе, а часть — что Шэнь Нянь был подлым карьеристом, готовым идти по трупам.

Шэнь Нянь почувствовал лёгкое волнение. Судя по последним событиям, Ци Цзюньму не слишком заботился о своей репутации, и делал это скорее ради него.

Император не хотел, чтобы на нём лежала такая репутация.

Однако император не выразил этого явно, и Шэнь Нянь не стал спрашивать.

<http://bllate.org/book/16626/1522068>